

Тустота

Наталья Фишер

ПЯТАЯ
РЕКА

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Ф68

ПЯТАЯ РЕКА
Наталья Фишер

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя

Фишер, Наталья.

Ф68 Пятая река : [роман] / Наталья Фишер. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 240 с.

ISBN 978-5-907696-61-7

Экологическая катастрофа уничтожила практически всю жизнь на земле: воздух стал непригодным для дыхания, а земля превратилась в пыль. Выжившие люди обосновались в Петербурге, своеобразном оазисе, сохранившем остатки жизни. Люди приспособились к новому воздуху и продолжили жизнь.

Ассоль вовсю старается быть нормальной: усердно ходит в церковь, не грубит старшим, преподает в приходской школе, выполняет поручения властей. Но ее выдает одно: никто кроме нее не умеет дышать в старых церквях, сохранившихся после экологической катастрофы. Как остаться собой, когда все вокруг считают твой дар проклятьем? Можно ли пережить предательство близкого человека? И нужно ли ставить общее благополучие выше своего счастья? Ассоль только предстоит узнать об этом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Наталья Фишер, 2024

© Издание, оформление.

ООО «Издательство Эксмо», 2025

Popcorn Books®

ISBN 978-5-907696-61-7

© Julie Dillon, иллюстрация на обложке, 2024

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

В начале было слово. И слово было Тьма. Тьма пришла и очистила наш мир от зла, в котором погрязли люди. И выжили только верные. Те, кто не отвернулся от Спасителя, не поддался искушениям.

Мир окунулся во Тьму ровно на семь дней, а потом возродился. Новый, чистый и просветленный. Но немногие из наших прапрапрадедов воскресли вместе с миром. Тьма поглотила их за грехи.

Люди, сохранившие свои души для вечной жизни, стекались сюда, в Пятиречье, по дороге, указанной Спасителем. И здесь обрели покой и жизнь, подобную райской. Но не таким они видели рай — не было здесь амброзии и легкости. А были непроходимые леса, полные страхов, бескрайние поля, которые нужно было возделывать, животные, не желавшие помогать человеку, и реки, что делят наш мир на четыре части. И лишь Древние Дома, не павшие в отличие от других, напоминают нам о грешном мире, что был прежде в этом месте.

Древние Дома служат также напутствием. Так, Дом Знаний даровал нам книги. Именно благодаря ему мы не забываем письменность, изучаем историю и географию. Зимний Дворец стал пристанищем для Избранных — семьи самодержца, способной дышать древним воздухом и не погибать. Главный Собор оставил для нас сам Спаситель, чтобы не забывали мы грехи наши и святую истину.

Мы разделились на сословия по силам и способностям нашим. Здесь, в Заречье, мы возделываем землю, пасем скот и кормим все Пятиречье. В Гостином районе за Четвертой рекой поселились те, кто способен выделывать кожу, шить одежду и перековывать металл, спрятанный в недрах лесов. За Третьей рекой раскинулся Казанский район, место интеллектуалов, поэтов, художников. Именно они обучаются письменности, в Заречье так везет не многим. А между Первой и Второй рекой — сердце Пятиречья, Дворцовый район. Место, где концентрируется вся наша жизнь, — Зимний Дворец с Центральной площадью и Главный Собор. А дальше, за реками, лишь Пустота царит над миром, и ни одного человека, ни живого, ни мертвого, нет на тысячи километров.

— Ася, что за ужасы ты рассказываешь детям?

Девушка, сидевшая у костра с малышкой и ребятами постарше, вздрогнула и обернулась. Дети, еще недавно внимавшие каждому слову Аси, их учительницы, начали перешептываться и хихикать, стоило ей замолчать. Девушка вгляделась в сумеречный лес, в сгорбленном мужчине она узнала священника.

— Отец Алексей, это же Новейший Завет! Просто в изложении для детей. — Девушка улыбнулась и подвинулась на бревне, уступая место мужчине в одеянии до пят, с кованым крестом на груди и спутанной бородой, прикрывавшей рот.

— Очень вольное изложение! — нахмурился священник.

— Так им понятнее. Младшие не совсем разобрались в вашей последней проповеди и попросили объяснить. А я... немного увлеклась. — С каждым ее словом священник хмурился все сильнее.

— Ты опять за свое. Придется снова оставить тебя после службы. Пора вбить в твою глупую голову, почему нельзя так перевернуть Священные слова.

— Хорошо, отец. — Ася покорно склонила голову, скрывая покрасневшее лицо от учеников, и ее русые волосы до плеч сверкнули отблесками костра.

— А вам, — священник обвел глазами притихших ребят, — пора спать. Темнеет.

— Так ведь Белые ночи. Можно нам немного посидеть? — пискнул светловолосый мальчик, сидящий прямо напротив девушки. — Ася так интересно рассказывает! Но никогда не отвечает на наши вопросы полностью.

— Может быть, я отвечу, дитя мое? — Отец Алексей сложил руки на выдающемся вперед животе.

— Почему все говорят, что только избранный самодержец может заходить в Древние Дома и жить во Дворце? Ведь это не так!

— Не так? — Священник с подозрением посмотрел на мальчика. — Ты ставишь под сомнение Священные слова?

— Но... — Щеки мальчика запылали ярче пламени костра. — Ведь Ася тоже может заходить в них. Она даже в наш Храм может зайти! Я видел! Она что, избранная?

Девушка дернулась, но поймала возмущенный взгляд священника и сникла.

С другой стороны костра оживилась стайка молодежи, Асиных ровесников. «Наконец-то попалась, — долетали

до Аси шепотки. — Странно, что только сейчас. Давно пора бы». К их недоверию она давно привыкла и чем старше становилась, тем сильнее отдалялась от бывших друзей по шумным играм и соседней.

— Ася не избранная, — сладко проговорил отец Алексий. — Она просто задержала дыхание. Вот и все. Не дышать она действительно может чуть дольше, чем все мы. Но ты тоже можешь научиться — нужны долгие и усердные тренировки. А теперь — спать! Белые ночи не отменяют работу в поле и ненужную учебу, о которой так радуется ваша любимая учительница! — Он вновь покосился на Асю, которая теперь окончательно сжалась в комочек и смотрела себе под ноги.

Дети неохотно поднялись с насиженных мест, попрощались с Асей, поклонились отцу Алексию и разбрелись по деревянным избушкам, выглядывающим из поросших густым мхом деревьев. Лес, сквозь плотно сомкнутые кроны которого почти не было видно неба, одновременно напоминал южные тропики и северные скалы. Сплошной ковер черники и клюквы подбирался к поляне со всех сторон, а необъятные стволы сосен сплетались и срастались, словно когда-то давно им не хватило места и они принялись сражаться за выживание, позже смирившись и приняв друг друга в распахнутые объятия.

Ася ждала, пока галдящая малышня разойдется по домам, и готовилась к неприятному разговору. Воспитанная свободолюбивой и совсем не религиозной бабушкой, Ася всегда хотела отличаться от нее. Она тянулась к вере, на которой держалось Пятиречье, принялась за изучение Священных слов, как только выучилась грамоте, и в возрасте пяти лет попросила ее крестить. Тут-то и обнаружили первые странности.

Сначала бабушка, вразрез с местными устоями, отказывалась подпускать внучку к Храму. Ася бастовала и возмущалась, устраивала истерики, однажды даже сбежала из дома и несколько дней пряталась в лесу. Бабушка сдавалась.

Древние Дома — те немногие здания, что уцелели от прежнего мира, — обладали особым воздействием на людей. Стоило человеку зайти внутрь, как уже через несколько секунд он начинал задыхаться. Эти дома охраняли как святыни и культурное наследие, даже засылали туда добровольцев, кто, задержав на несколько минут дыхание, мог вынести оттуда что-то ценное. Именно так в Пятиречье появлялись древние книги, переплеты которых, впрочем, совершенно не пострадали от времени. Они словно застыли за миг до того, как мир окунулся во Тьму. Сохранились и Древние Храмы. Помимо Главного Собора в Дворцовом районе, были и другие. Владимирская церковь — в Заречье, Спас на Крови — в Гостином и Казанский Собор — в одноименном районе. Эти древние названия передавались из уст в уста и даже изображались на современных картах, но поговаривали, что именно их носили постройки когда-то процветающего здесь города. К каждому Древнему Храму пристроили маленькую деревянную церковь, где священники проводили встречи, проповеди и ритуальные мероприятия, собиравшие местных.

Церемония крещения была жестокой. По правилам детей крестили в младенчестве. Их вносили в Древний Храм и оставляли на три минуты. Если по прошествии этого времени ребенок выживал, он признавался праведным, чистым и продолжал земное существование. Если же из Храма выносили бездыханное тело, то убитые горем родители тешили себя надеждой, что их чадо искупило грехи.

Ася никак не могла взять в толк, чего же боится бабушка, ведь Ася-то могла дышать в Древних Храмах и Домах сколько угодно, и ей совершенно не становилось плохо. Девочке было пять лет, и она еще не понимала, что именно этой странности так опасалась бабушка.

Любимым развлечением малышни было забежать в Древний Дом или Храм хотя бы на секунду, на худой конец — засунуть в дверь руку и с криком скрыться в лесной чаще. Именно так Ася впервые очутилась во Владимирской церкви. Она без спешки толкнула массивную деревянную дверь и полной грудью вдохнула удушливый запах ладана и воска, царившего здесь веками. В этот момент остальной мир исчез для Аси, и она вся погрузилась в изучение. Смотрела огромными серыми глазами по сторонам и замирала от трепета. Свет косыми лучами пересекал пыльный воздух и падал на волосы девочки. Она улыбалась, не понимая, почему все так боятся этих прекрасных будто бы потусторонних построек. Аси не было полчаса — она бродила по церкви, разглядывала величественные иконы с изображением незнакомых святых, трогала золоченые подсвечники. Когда она вышла, ее подружек уже не было: они разбежались по домам, испугавшись, что Ася умерла. Когда же ее увидели бредущей домой как ни в чем не бывало, девочки с визгом разбежались и с того самого момента начали избегать необычную соседку. Мальчики только больше ее зауважали и бросились расспрашивать, как же Асе удалось выжить. Но со временем их интерес угас, и в качестве пары они выбирали понятных и привычных девушек без необычных способностей.

Дома маленькая Ася поведала о происшествии бабушке, а та схватилась за сердце, прошептала что-то вроде: «Я так и знала» — и строго-настрого запретила рассказы-

вать кому-то еще об этой истории, надеясь, что соседская ребятня скоро забудет о происшествии. Но когда настало время крещения, девочка точно знала: ей нечего бояться, она с легкостью переживет ритуал и даже не заметит. Знала это и бабушка. А вскоре предстояло узнать всем остальным.

Когда через три положенные минуты двери церкви распахнулись, вместо лежащего на полу полумертвого тельца собравшаяся толпа увидела веселую и полную жизни Асю. Девочка нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и ждала, что ее объявят праведной и благочестивой. Лицо отца Алексия исказилось злостью и странным пониманием. Он за руку выволок девочку из Храма, а потом долго что-то толковывал ее бабушке.

С тех пор на Асю всегда смотрели с подозрением, считая ее то ли избранной, то ли проклятой. Люди сторонились девушки. И все же это не помешало ей стать единственной в Заречье, кто посвятил свою жизнь не работе на земле, а просвещению детей. Хоть в чем-то она пошла в бабушку. И если их взгляды на религию в корне расходились, то с образованием все было очевидно. Желание учиться и передавать знания другим она впитала с самого детства.

Ася росла без родителей: про папу она ничего не знала, а мама погибла, отправившись на его поиски. Вот и все, что она смогла выудить у бабушки, которая наотрез отказывалась это обсуждать. Зато она с удовольствием рассказывала о литературе и истории, учила девочку читать и писать, показывала цифры и прикладывала титанические усилия, чтобы Ася овладела арифметикой. К двадцати годам Ася превратилась в образованную девушку и стремилась передать накопленные знания всем, кто хоть

немного хотел учиться. В Заречье образование почти отсутствовало. В свое время бабушка учила детей дома — они прибегали в свободные минутки и познавали грамоту. Ася же уговорила Заречного наместника самодержца открыть при Храме школу для всех желающих. Асина инициатива родителям местной ребятни понравилась, несмотря на то что Асю продолжали побаиваться. Но девушка никогда никому не причиняла вреда, а потому ей спокойно доверяли детей и отпускали их в дом Асиной бабушки.

Спустя два года после открытия школы бабушка Аси покинула мир живых. По традициям Пятиречья мертвых не хоронили, как в старом мире, а отправляли на плоту в путешествие по рекам. Считалось, что так тело само найдет последнее пристанище, а бессмертная душа отыщет рай. Ася смотрела, как воды уносят единственного близкого человека, и тихо плакала.

Все друзья детства к этому моменту обзавелись если не семьей, то женихами и невестами, и сторонились не похожей на других девушки. Отдушину она нашла в учениках и религии.

Наместник всегда с симпатией относился к Асиной семье и, когда девушка попросила его открыть настоящую школу, долго противиться не стал. Строго осадил отца Алексея, начавшего протестовать, и предоставил Асе в полное распоряжение пристройку к церкви, куда вскоре стянулись местные ребята.

Ася закрывала глаза на неприязнь отца Алексея, всеми силами убеждая себя, что раз девушка вызывает в нем злость, значит, она грешна и заслуживает дополнительных работ и поучительных жестоких бесед. И никогда Асе не приходило в голову, что ее, единственную похожую на самого самодержца, боятся. Наместник нередко просил

ее отправляться в Дом Знаний за книгами, не препятствуя и давая возможность бродить там, разглядывая цветные корешки книг. Бывала она и в Главном Соборе по поручениям Патриарха. Втихаря ее звали, когда нуждались, и тут же прогоняли, опасаясь ее способностей.

Ася старалась видеть в людях только хорошее и изо всех сил подстраивалась под суровые законы Пятиречья, не допуская даже мысли о том, что она лучше других и заслуживает если не почтения, то хотя бы уважения, — особенная. Отец Алексей же не сомневался в Асиной особенности, но боялся ее и презирал. И в этом не сомневался и теперь готовил очередную тираду о ее неправильном поведении и растлении умов детей.

Ася сложила руки на коленях и приготовилась слушать.

— Дочь моя, — священник положил подрагивающую ладонь на собранные в замок руки девушки, — я же просил тебя быть аккуратней. Дети задают неудобные вопросы. Я могу на них ответить, но ведь ты не хочешь потерять лицо перед ними? Я знаю, ты дорожишь своей репутацией.

— Вы правы, — покорно пробормотала Ася, глядя себе под ноги.

— Ну почему тебя так тянет к этим Домам? Хочешь показать, что ты не такая, как все? Тебя и так половина Заречья боится. Тебе и детей-то своих доверили только из-за моды родителей на образование. Видите ли, хотят, чтобы те грамотными были и книжки читали. Вдруг выбьются в люди, в Гостиный, а то и в Казанский переберутся! Тьфу ты, стыд один! Я им каждую проповедь твержу, что не просто так нам ремесло дано по силам нашим. Нельзя выше головы прыгать. Было уже такое, и чем все закончилось? Правильно — Тьмой! А они не унимаются: грамота никому еще не навредила. Ты вот почему другая? Может,

как раз из-за того, что бабка твоя, царствие ей Небесное, тебя грамоте выучила? Не думала об этом?

Ася помотала головой и не подняла глаз.

— То-то и оно! — не унимался отец Алексей, теребя свободной рукой крест. — Просвещение им подавай и технический прогресс. Начитались детишки книжек твоих, Ассоль! Теперь что с ними делать?

Ася в страхе взглянула на священника — полным именем он называл ее только в моменты гнева.

— Я всегда повторяю им, что они нужны здесь, на земле, — тихо проговорила девушка. — Просто они дети, мы тоже когда-то мечтали стать мореплавателями и отправиться на поиски приключений.

— Ага, мечтали они! А ведь это все твое влияние! Тебя и назвали-то не правоверным именем, а ненастоящим, книжным!

— «Алые паруса», — шепнула Ася, — мама очень любила эту книгу.

— Мама твоя сбежала! Возомнила себя мореплавателем и сгинула!

С другой стороны костра вновь донеслись смешки и недовольный шепот.

— Она отправилась искать папу! — Ася вскочила, и ее звонкий голос разрезал густой воздух затихшего ночного леса. Отец Алексей сурово взглянул на девушку, и языки пламени подсветили искаженные яростью черты. Ася тут же сникла. — Простите, отец. Я не должна была рассказывать детям писания Новейшего Завета без вашего совета.

— Ты многое не должна была. Помни об этом!

Отец Алексей тяжело поднялся, пригладил непослушную бороду, перекрестил девушку и усталой походкой отправился домой. За ним последовали бывшие Асины дру-

зья, глядя на нее насмешливо и в то же время жалостливо. Ася осталась возле затухающего костра в полном одиночестве.

Сколько раз ей приходилось слышать обвинения в том, чего она не делала. Искренне и честно Ася изо всех сил соблюдала заповеди, которые каждое воскресенье вновь и вновь повторял на службе священник. Послушно ходила на исповеди и всеми силами учила детей тому, во что без тени сомнения верила сама. Но как бы она ни старалась, ее путь к Спасителю не становился легче.

Была у Аси даже не тайна, а сокрытая от самой себя идея. Она иногда появлялась в голове Аси так внезапно, что девушка не понимала, где лежат корни этой мысли. При всей своей безоговорочной вере Ася сомневалась в Пустоте. Разве такое возможно — нигде на всем белом свете, на целой огромной планете нет ни одного живого существа? Неужели Пятиречье и есть то единственное место, где собрались все праведники? Неужели их оказалось настолько мало, что они уместились на такой крошечной территории? И что там, за реками? Ася своими глазами видела, что за Пятой рекой пролегал пустырь, как и за Первой. Но в древних книгах говорится про сотни рек, соленых морей и других земель. Кто знает, может, за горизонтом осталось еще что-то. Ведь виднеется на горизонте неясный силуэт башни, уходящей в небеса и светящейся на солнце! Вдруг она и есть начало мира, где существуют другие люди?

Этими мыслями Ася ни с кем и никогда не делилась. И лишь с самого детства безуспешно просила взять ее в вылазку на лодке за границу Пятиречья вместе с другими храбрецами, чтобы воочию увидеть Пустоту. Ей всегда отказывали — никто еще не возвращался из этих путешествий. Лишь однажды лодку с погибшими прибило к берегу.

АРТУР

Июль был любимой порой Аси. Самый теплый месяц в году баловал солнечными деньками. Промозглый в остальное время года, климат Пятиречья с его сырым воздухом и тучами комарья сложно было назвать благосклонным к людям. С Первой реки то и дело набегал пронизывающий до костей ветер, который даже деревья Заречья не всегда сдерживали. А постоянно морозящий дождь оседал в волосах, превращая их в мочалку, чуть ли не полгода кряду. Но именно благодаря влажности росли и зеленели не только дикий свободолюбивый лес, но и поля, усеянные злаковыми, пасленовыми и бобовыми культурами. И даже фруктовыми деревьями.

В Пятиречье еды хватало всем — большая часть народа трудилась в поле из поколения в поколение, даже не представляя иной жизни. Круглый год они сеяли, пропалывали и снимали урожай. Коптили, консервировали и солили. Поливали, высушивали и удобряли. И лишь июль был

полон томительного ожидания. Месяц, которому нельзя было мешать и который определял весь следующий год.

Именно в июле детей отпускали с полей пораньше, и они с большим рвением приходили на Асины уроки.

Утренний зной, редкий в этих краях, окутал деревянный сруб, где жила девушка, жарким маревом испарившейся росы. Ася вышла на улицу и сладко потянулась. Зачерпнув дождевой воды из кадки около порога, она умылась и взглянула на расплывающееся в воде отражение.

Ася жила недалеко от Владимирской церкви — прямо в соседнем доме с отцом Алексием. Это место она выбрала сама; бабушка, наоборот, старалась обосноваться поближе к Пятой реке, на границе с Пустотой. Но как только ее не стало, Ася упростила наместника, которого знала с детства и ласково называла Сан Санычем, поменять большой деревянный дом с двумя комнатами на ветхую избушку у самой церкви. Девушка мечтала жить возле своей же школы и транзитки в Гостиный район.

Асю нередко звали проводить уроки и в других школах, где учились дети из интеллигенции. Они поначалу считали ее низкородной, но вскоре начали внимательно слушать и даже любить.

Во время вылазок в Дом Знаний по поручению властей предрержащих Ася бродила по большому древнему залу, уставленному стеллажами книг, сдувала пыль с разноцветных корешков, изучала безделушки, не тронутые временем, и вдыхала аромат давно канувшей в Лету эпохи.

Говорят, когда-то через реки между районами были перекинута десятки мостов, но лишь немногие из них сохранились. Центральный проспект, в прошлом Невский, а теперь — Первореченский, вел через все Пятиречье, пересекая каждый район и каждую реку. На нем-то и выстро-

или транзитки. Ася очень любила переходить через реки, и, хоть делала она это часто, каждый раз казался ей особенным. Блеклыми чернилами девушка записывала свое имя в реестре посещений, сообщала, что не проносит оружия или запрещенных предметов, и отправлялась дальше, а на обратном пути отчитывалась о визите. Конечно, полная процедура была сложнее. Особенно в начале, когда Пятиречье только появлялось. Позже служители транзиток стали пропускать людей без лишних формальностей и досмотра. И полная процедура прохода через транзитку осталась только в своде правил на бумаге.

Школу, рассчитанную всего на несколько учеников, разместили в церковной пристройке, и была она не чем иным, как обыкновенным деревянным срубом, в каких обитало все Пятиречье. Даже в Казанском и Дворцовом районах людям приходилось довольствоваться деревянными домами. Конечно, для интеллигенции они строились двухэтажными, с резными наличниками на крохотных окошках, куда втискивали мутное стекло. Ася нередко засматривалась на башенки, выкрашенные в яркие цвета, на настоящие веранды, выходящие на расчищенный от травы и зелени гранит, и силилась представить, что же было на этом месте раньше.

Сколько легенд и страшилок ходило про город, что прежде был на месте Пятиречья. Был ли он больше? Кем были те люди, кому удалось построить Древние Дома из камней, которые и поднять-то невозможно? Был ли здесь лес? И зачем делали такие широкие дороги, теперь сплошь поросшие густой травой? На эти вопросы давал ответ Новейший Завет, а Ася истово верила в него. Но пытливый ум и любознательность, привитая бабушкой, не давали девушке обьяснять абсолютно всё в мире одной лишь слепой верой.

Ася всегда приходила на занятия рано. В полной тишине она перечитывала книги, рассуждала об устройстве мира и разглядывала доисторические открытки с видами города, которые однажды тайком прихватила из Дома Знаний. На них изображались как знакомые ей Древние Дома, так и похожие на них здания, видимо истлевшие в веках. На изображениях город состоял из гранита, мрамора и переплетения рек, но никак не из бескрайних лесов. Однажды заметив эти открытки у Аси, отец Алексей обвинил девушку в ереси. Кричал, что она забивает голову сказочными картинками, и строго-настрога запретил показывать их детям, а лучше всего — сжечь. Ася, вопреки всему, сохранила их — выбросить почему-то не поднялась рука. Берегла открытки от чужих взглядов как ценнейшую реликвию и каждый раз, глядя на них, чувствовала себя неправильной. Но выкинуть не решалась. Кто знает, сказка на них или действительность!

Вот и сейчас, одетая в летние штаны и рубаху из льна, какие носили и женщины, и мужчины Заречья, она сидела за учительским столом и мыслями переносилась в далекие времена, которыми дети до сих пор пугали друг друга у вечерних костров. Деревянные лавки в два ряда пока пуствовали, а единственное окно было распахнуто, пропуская в помещение косые лучи первого солнца. На Асиных тонких губах блуждала улыбка, а длинные нервные пальцы выстукивали по столу незамысловатый ритм.

Такой ее и застал Сан Саныч, долговязый стареющий мужчина с крупными распухшими суставами на руках, напоминающий дерево, испещренное наростами. Наместник заглянул в дверь, и девушка вздрогнула. За ним стоял совсем юный парень. Ася сразу заметила хищный прищур темно-карих глаз и издевательскую усмешку. Парень как

будто считал себя лучше и важнее всех вокруг и ни на секунду не сомневался в собственной ослепительности. Он действительно был красив — русые волнистые волосы доходили до самых лопаток (в Заречье так не носят), а ямочка на подбородке добавляла его скуластому лицу детскую наивность.

От его надменного взгляда девушка поежилась, Сан Саныч направился к ней, а парень двинулся следом.

— Доброе утро, Ася, — обратился к ней наместник скрипучим голосом. — Не занята? Можно с тобой поговорить?

— Да, конечно. — Она старалась смотреть только на Сан Саныча и не обращать внимания на молодого человека, от вида которого по коже пробежал холодок.

— Тут у меня мальчик. — Он покосился назад с явным неудовольствием. — Его нужно пристроить к тебе в школу. Ничего не говори. — Он не дал Асе даже раскрыть рот. — С отцом Алексием я договорился. Мальчик из Гостиного. Школа ему нужна для дальнейшей службы. Послушает тебя месяц-два, а ты дашь ему хорошую характеристику. Поняла? Есть вопросы?

— Почему именно ко мне? — дрожащим голосом спросила девушка и прикусила губу — глупая привычка так делать всегда, когда она нервничала.

— Ты большая девочка, — прошептал Сан Саныч, — должна понимать: меня попросили помочь, я помогаю. Его отцу я отказать не мог.

Наместник развернулся на месте, коротко кивнул Асе, хлопнул парня по плечу и скрылся за дверью. Растерянная девушка замерла на месте, теребя рукой непослушный локон, который то и дело выпадал из-за уха. На молодого человека она старалась не смотреть, но и вести себя как маленькая застенчивая девочка было бы глупо. Все же